

Литературная

176

83

посту

О Д Е Р Ж А Н И Е

выпрямлении линии (передовая). А бить по
дшнеп и все-таки нужно (передовая).
Рковский—Фурманов-художник. А. Исбах—
Пяте. К. С. Гроссман-Рощин—О творчестве
Серафимовича. А. Серафимович—Ответ на
ответствия. Дм. Фурманов—Организационная
ма ВА. ПП. А. Курелла—Против психоло-
в литературе. А. Селивановский—За един-
национальных отрядов пролетарской литера-
Б. Волин—Ленин о Толстом. К. Зелин-
—Ити ли нам с Маяковским? В. Друзин—
некоторых задачах марксистской критики.
и Синклер—Писатель и богема. Ю. Фо-
—Революционная литература Запада.
Иведчиков—Под знаком извращений и
держек. В. Кирион—О несерьезном ответе
Иведчикова и о серьезных делах. А. Селива-
Иский—Новый „Маладняк“. Трибуна чита-
теля. Библиография.

МАРТ * 1928 *

5

МОСКВА
ГОСИЗДАТ

ЛЕНИН О ТОЛСТОМ

Бор. Волин

Пять раз на протяжении всего только трех лет останавливался Ленин на теме о Толстом:

1. В № 35 «Пролетарий» от 11 сентября 1908 года—«Толстой как зеркало русской революции» (статья написана была по поводу исполнившегося 80-летия со дня рождения Толстого).

2. В № 18 «Социал-Демократ» от 16 ноября 1910 года—«Л. Н. Толстой» (статья написана по поводу смерти Толстого).

3. В № 7 «Наш Путь» от 28 ноября 1910 года—«Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» (статья была написана по поводу откликов рабочих на смерть Толстого и, в частности, адреса-телеграммы, посланной рабочими депутатами 3 Государственной думы).

4. В № 1 «Мысль» за декабрь 1910 года—«Герои оговорочки» (статья написана как ответ на статью о Толстом в журнале «Наша Заря»—органе меньшевиков-ликвидаторов).

5. В № 6 «Звезда» от 22 января 1911 года—«Л. Н. Толстой и его эпоха» (эта статья является своего рода резюме всего того, что Ленин писал о Толстом).

Последняя статья, как видим, относится к январю 1911 г. Вероятно, Ленин эту статью написал (за границей) в конце 1910 года. Следовательно, из пяти статей, посвященных Льву Толстому, последние четыре он написал в течение одного только 1910 года. Больше того: эти четыре статьи он написал в течение только ноября—декабря,—периода, непосредственно следовавшего за смертью Толстого. Таким образом, из четырнадцати статей, вообще написанных Лениным за эти два месяца (см. том XI, часть II сочинений В. И. Ленина), он четыре посвятил Толстому. Ленин, видимо, придавал тогда исключитель-

ное значение тому, чтобы раз'яснить партии и рабочим массам, как надо относиться к Толстому и как надо расценивать его литературно-художественное значение и идейное влияние.

Никто, конечно, не станет утверждать, что причины, вызывающие сегодня наш интерес к Толстому, те же самые, что восемнадцать лет тому назад привлекали внимание нашей партии и, прежде всего, Владимира Ильича. Но никто не станет спорить против того, что в связи с приближающимся столетним юбилеем со дня рождения Толстого наша партийно-советская общественность должна иметь известную ориентацию. И разве может быть два мнения о том, что ориентация эта должна быть большевистской, ленинской?

Вот почему мы считаем своевременным и целесообразным внимательно и детально разобраться в ленинской литературе о Толстом, исчерпывающе рассказав и показав, как Ленин вопрос о Толстом ставил, какие выводы он делал и какие директивы отсюда для нас вытекают, когда во всем объеме поставлен вопрос о толстовском юбилее, об изданиях художественных произведений Толстого, о двенадцатодухтомном исчерпывающем издании всего написанного Толстым, о предвечерних литературных вечерах, посвященных Толстому, и грандиозных юбилейных днях.

II

Сегодня, пожалуй, больше, чем восемнадцать и двадцать лет тому назад, полезно и необходимо характеризовать и показать ту эпоху, которая создала Толстого и в которой он вырос и развился. Это необходимо именно потому, что Толстого читают, с Толстым знакомятся совершенно новые читательские массы, ко-

Ленин в своих статьях о Толстом неоднократно оставался несколько раз на той высоте, которую он особенно полно представлял, — эпохе от освобождения крестьян (1861 г.) до первой русской революции (1905 г.).

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой, — писал Владимир Ильич в своей статье — Л. Н. Толстой и его эпоха, — и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 года и до 1905 г. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Н. Толстой вполне сложился как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил все отличительные черты произведений Толстого и «толстовщины».

Ленин считает наиболее удачной характеристикой этой переходной эпохи ту, которая дана героем романа «Анна Каренина» — Левиним: «...Разговоры об урожае, о найме рабочих и т. п., которые Левин знал, принято считать чем-то очень низким, ...теперь для Левина казались одни важными». «Это, может быть, неверно было при крепостном праве или неверно в Англии. В обоих случаях сами условия определены; но у нас теперь, когда все это перевернулось и только укладывается вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственно важный вопрос «России», — думал Левин».

Ленин, цитируя эту мысль Левина-Толстого, восклицает: «Трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов. То, что «перевернулось», хорошо известно или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладываемый» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно, пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты

не хочет видеть, он закрывает глаза, вертывается от мысли о том, что «двигается» в России» не какой иной буржуазный строй...»

Толстой, действительно, этого не хотел. Он принципиально отвергал такую возможность, он не сознавал, что его идеология являлась столкновением интересов и настроений, строя, строя крепостного, строя восточных народов». Толстой в тот период первых лет, следовавший освобождению крестьян, уже формулировал свои основные идеи, и одной из валировавших идей была: «общего движения вперед человечества нет, как нам доказывают неподвижные восточные народы», — писал тогда Толстой. Ему надо было думать, что России, как восточной стране, удастся уйти от «английского пути развития, что ее минует чаша капиталистического строя. Почему такова идеология Толстого, Ленин объясняет, что в эпоху, когда весь старый мир перевернулся», масса, «воспитанная в старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиционные верования этого строя, не видит и не может видеть, каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы, как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести осуществление от неясных, особенно остро ощущаемых, свойственных эпохам «ломки»

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, — между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания, насильственно проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и политическую жизнь страны. И в то время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и

в чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу сельскохозяйственной, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали землю трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадию за «отрезанные земли», за покосы, за водопой и т. д. В сущности, — это старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насильственно пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-земледельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были, главным образом, — особенно высшие — из дворян-землеладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывали землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Если оглянуться на весь сорокалетний путь, проделанный Россией между 1862 и 1905 гг., если проанализировать, как «утрачивались» общественные отношения и откладывались новые социальные силы, то приходится, действительно, обозначить весь этот период как период ломки старого и уклады нового, при чем общественные силы, производившие укладку, «впервые показали себя на деле в широком общенациональном масштабе, в массовом, открытом действии в самых различных поприсах лишь в 1905 году».

Ленин, — в России последовали аналогичные события в целом ряде государственных «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году, 1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собою исторический конец толстовщины, конец всей той эпохи, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное явление, не как наприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых, действительно, находились миллионы и миллионы в течение известного времени».

Таким образом, перед нами — яркая ленинская характеристика всей толстовской эпохи от начала роста толстовщины до ее заката, от момента, когда все «перевернулось», до момента, когда оно стало уже «укладываться», — эпоха, полная болезненных явлений и противоречий, столь характерных для Толстого и его творчества.

III

Литературно-художественное творчество Льва Толстого Ленин ценит крайне высоко. Известно из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской, как Ленин относился к Толстому-классику, как наряду с Пушкиным и Тургеневым, Ленин любил читать по нескольку раз Толстого. Для Ленина было совершенно бесспорно, что Лев Толстой — художник мирового значения. Особенно полна таких оценок ленинская статья «Л. Н. Толстой», написанная по поводу смерти японского «мыслителя и проповедника».

«Л. Н. Толстой выступил как великий художник еще при крепостном праве...»

«В ряде гениальных произведений, которые он дал, он рисовал Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина...»

«Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе...»

«...Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила благодаря гениаль-

ра и художественном развитии всего человечества...»

«Толстой-художник известен интеллигентному меньшинству даже в России...»

«Толстой поразительно рельефно выделен в своих произведениях—и как художник, и как мыслитель, и проповедник—жрты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость...» (все предыдущие цитаты из статьи—Л. Н. Толстой).

«Эпоха, к которой принадлежит Лев Толстой, и которая замечательна рельефом отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 гг.» (Л. Н. Толстой и его эпоха).

«Что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречивом учении...» («Герой одной из разговорки»)

«Сопоставление имени великого художника с революцией, которую, он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд страшным и искусственным...»

«И если перед нами действительно великий художник, то некоторые, хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях...»

«Гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы...»

«Цитаты из статьи—«Лев Толстой как герой русской революции».)

«Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись на призыв к смерти Л. Н. Толстого и выжили, так как иначе, свое отношение к Толстому, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в ряд великих писателей всего мира...»

«Он дал в своих художественных произведениях такие яркие картины жизни, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы...»

«...Но своеобразие критики Толстого—ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает до глубины души мысли указанного периода, именно деревенской, крестьянской России...»

(Цитаты из статьи—«Л. Н. Толстой и современное рабочее движение».)

Таким образом, все приведенные цитаты из ленинских статей о Толстом (или цитировались эти статьи с максимальной полнотой) говорят о несомненном факте: Владимир Ильич исключительного ценил Толстого как художника, его произведения, гениальные в художественном отношении, ставящие его—по мнению Ленина—в число великих писателей мира, а самые художественные произведения его относятся к лучшим образцам мировой литературы.

Но Ленин ценил Толстого не только как гениального художника, но и как писателя исключительно страстного и яркого, беспощадно резкого, непреклонного отрицателя частной поземельной собственности, — писателя, полного самоотверженного чувства и самого пылкого волевого чувства и самого пылкого волевого чувства, обличителя капиталистического ада, горячего, замечательно-сильного, посредственного и искреннего протеста против общественной лжи и фальши, великого беспощадного критика капиталистической эксплуатации и самого трехлинейного реалиста, срывающего все и всяческие маски. В статье своей—«Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» Ленин так с этой стороны характеризовал Толстого и так объяснял причины силы его критики: «Критика Толстого потому так личается такой силой чувства, так страстностью, убедительностью, искренностью, бесстрашием в своем мнении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика, действительно, отражает переживания миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди родских «хитровцев» и т. д.»

Но, совершенно само собой разумеющимся, что не в этих оценках творчества

Толстого—центр тяжести ленинских статей. Как видно из цитированного и изложенного в этой главе, придать ли можно найти, кроме Ленина, много критика Толстого, который бы так горячо и страстно и с такой любовью подобрал в богатом русском языке лучшие и наиболее полные эпитеты для характеристики толстовского художественного творчества. И все же не в этих эпитетах и характеристиках—центр тяжести ленинских статей о Толстом, не для того он в короткий срок дал ряд своих статей, чтобы ограничиться словословием художественного гения Толстого. Ленин не затем погружался в самые глубины толстовского творчества, делая глубочайшие разрезы своим беспощадным аналитическим скальпелем и применял при своих выводах со всей остротой, ему свойственной, марксистский диалектический метод! Что же нашел Ленин в Толстом, и к каким выводам пришел он при всестороннем исследовании художника слова и мыслителя Толстого?

IV

Первая статья Ленина, посвященная Толстому, называется: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Последнюю же свою статью—«Л. Н. Толстой и его эпоха» Ленин начинает словами: «Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 гг.» В этих двух «крайних» статьях особенно, а частично и в остальных «средних» трех, Ленин доказывает свой основной тезис о Толстом: Толстой—целиком продукт своей эпохи, с ее сильными и слабыми сторонами, с ее утверждениями и противоречиями, с ее чрезвычайной сложностью явлений и неясностью тех социальных сил, которые выкристаллизовались между «освобождением» крестьян в «первой русской революции». Считая Толстого гениальным художником, Ленин утверждал, что как великий художник «некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях», даже если он отстранился, ибо «наша революция—явление чрезвычайно сложное: среди массы

ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстраивались от настоящих исторических задач, поставленных перед нами ходом событий».

Что же отразил Толстой и в зеркале своего художественного творчества и философских противоречивых идей?

Последняя треть XIX века русской жизни была полна противоречивых условий существования. Все «переворотилось». Церковь, жившая патриархальной жизнью, только что освобожденная от крепостного права, была отдана капиталу и государственной казне на «поток и разграбление». «Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой». Естественно, что это все не могло не отразиться в творчестве Толстого, которое и явилось протестом против надвигающегося капитализма, «разорения и обезземеления масс», — протеста, «который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Ленин подчеркивает, что «Толстой смешон, как шорок, открывший новые рецепты спасения человечества...», но «Толстой велик как выразитель тех идей и настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства во время наступления буржуазной революции в России».

Откуда возникло это «толстовское» возмущение от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее? Ленин объясняет теми господствующими настроениями, которыми было охвачено тогдашнее крестьянство. В нем накопились горы злобы, ненависти и отчаянной решимости. Оно жило одной мыслью, одним желанием, одним стремлением—разделаться до основания с дворянством, помещиками, помещичьим правительством и создать вместо полицейско-классового государства «общечитие свободных и равноправных мелких крестьян». Но этим настроениям крестьянства совершенно не соответствовали ни бессознательность крестьянская, ни неорганизованность. Крестьянство «бессознательно, патриархально, по-родовому, относилось

к вопросу о способах борьбы за свои стремления, о руководстве в этой борьбе, об участии и отношении различных классов к этой борьбе. И в результате — большинство крестьянства поступило «совсем в духе Льва Николаевича Толстого», — восклицает дважды Ленин, — когда меньшая часть крестьянства «поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг», большинство плакало, молилось, «резонерствовало и мечтало, писало прошения и посылало ходатаев»; то же самое и среди солдат — те же крестьяне: «не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!»

Вот это-то и отразил Толстой в своем художественном творчестве и своей философии! Вся крестьянская наивность, весь мужицкий мистицизм, вся его отчужденность от политики, его желание уйти от мира, все его «непротавление злу», все его бессильные проклятия, — все это вообрало в себя и отразило от себя толстовское творчество. «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого!»

В последней своей статье о Толстом, «Л. Н. Толстой и его эпоха» Ленин еще резче, еще точнее формулирует, еще глубже определяет истоки толстовского творчества: «Идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда — и аскетизм, и непротавление злу насильем, и глубокие нотки пессимизма и убеждения, что «все ничто, все материальное — ничто», и вера в «Дух» — «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «пристаивающий к делу спасения души и т. д.»

Толстой велик. Толстой оригинален как отражатель всех противоречий, которыми полно было крестьянство. И эта «совокупность его взглядов, вредных, как целое», была «действительным зеркалом тех про-

творческих условий, в которых возникла была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

«В произведениях Толстого выразилась и сила и слабость, и мощь и отравленность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, беспощадно-резкий протест против варварства и полицейско-казенной деспотии передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой выдвинуто постное право, чиновничье протавление и грабежа, церковного изуверства, и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности дает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда стало средневековое землевладение, — помещичье и казенное — «надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Беспрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого глумления обличение капитализма передает весь патриархальный крестьянин, из которого стал надвигаться новый, невиданный непонятный враг, идущий откуда-то из-за границы, разрушающий все «устое» деревенского быта, несущий с собой невиданное развращение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис, — все бедствия, хи «первоначального накопления», страшные во сто крат перенесенные на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Капиталом».

V

При внимательном чтении или чтении статей о Толстом останавливают на себе особое внимание четыре ленинских мысли. Толстой отражает свою эпоху — славу и бессилие дореволюционной России — крупнейшего субъекта в ней — крестьянство; Толстой полон противоречий, свойственных эпохе и крестьянской стихии; Толстой все это изображает и отражает гениально-художественно, рельефно и ярко; Толстой вреден как целое, всякая попытка идеализации Толстого приносит вред.

Здесь, во избежание всяких кривотолков, сомнений и упреков, в самом начале статьи было процитировано почти все, что было сказано Лениным о Ливе Толстом как о художнике; здесь также охарактеризована была толстовская эпоха и указаны были глубинные истоки толстовского творчества, ставшего огромным зеркалом этой эпохи, полной исключительных противоречий. Этому последнему Ленину посвящает особенно много внимания в своих статьях Строки и страницы, посвященные Лениным этим противоречиям, до того образные, яркие и скульптурные, что их каждый должен прочесть, каждый их может запомнить.

«Противоречия в произведениях — взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны — гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны — замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, с другой стороны — «толстовец», т. е. истасканный, испорченный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично, бия себя в грудь, говорит: «Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми коллетами». С одной стороны — беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны — юродивая проповедь «непротавления злу» насильем. С одной стороны — самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны — проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, а именно: религия, — стремление поставить на место попов, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Повестине:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
Матушка Русь!

Уже в этом ярком отрывке Ленин внешне «объективно» выдвигает ряд обвинений против Толстого как против помещика, как против юродствующего во Христе, против хлюпкого русского интеллигента, истерика и «блаженного», как против безумного проповедника «непротавления злу» насильем и культиватора самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины.

Но с вольно определенными, резко формулированными обвинениями, заостренными политически, Ленин выступает в другой статье — «Л. Н. Толстой», как раз той самой статье, которая дает, якобы, повод считать Ленина почти безоговорочным апологетом Толстого-художника: здесь обыкновенно цитируется следующее место в этой статье: «Толстой — художник известен вичтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достойными всеобщей борьбы и борьбы против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

Так вот как формулировал свои обвинения Ленин против Толстого, давшего, по его мнению, «художественные произведения, которые всегда будут ценны и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов».

«...Горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил, вместе с тем, в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, шайному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание «политики, приводила к учению о «непротавлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, т. е. нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении

и его политическом орудии—власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, приписываемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемерной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Таким образом, здесь Ленин прямо и открыто обвиняет Толстого в том, что его отрицание политики «привело к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг., что Толстой своей религией изобрел более утонченный яд для угнетенных масс, что он подменил активную борьбу трудящихся за землю и социализм бессильными воздыханиями и апатией к всемирной освободительной борьбе. Обвинения тяжкие, которые не могут быть искуплены ни исключительной художественностью произведений Толстого, ни всемирным величием толстовского гения вообще!

Переходя же к конкретным фактам, близким к революционным событиям 1905 года, Ленин констатирует, что толстовское непротипление злу было «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».

VI

И вот, в то время как Ленин исключительно высоко расценивал значение Толстого-художника и ставил его рядом с величайшими мировыми художниками слова, он вместе с тем со всей резкостью и непреклонностью политического вождя революционного пролетариата решительно осуждал Толстого в «целом» со всей его системой взглядов и убеждений, являвшихся отражением всех наиболее слабых и противоречивых сторон разрозненного крестьянского движения, обездоленного самодержавием и замученного капитализмом крестьянства. Толстовская идеология могла быть только вредна идущему по пути революции пролетариату, она оправдывала расплывчатость и неустойчивость близких пролетариату крестьянских масс и являлась ширмой, за которой укрывалось все, что было мягкотелого и трусливого в русской интеллигенции.

Вот почему, говоря о «совокупности взглядов» Толстого, «вредных, как целое»,

Ленин категорически утверждает: «учение Толстого, безусловно, реакционно и по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком смысле этого слова». Поэтому совершенно естественным было настойчивое отрицание Ильича в его письме к Горькому, чтобы Толстому не спускали ни слова физма, ни анархизма, ни народничества ни религии». Известно уже, как Ленин страстный критиком (хотя в статье—«Толстой и русское рабочее движение» и говорил: «Критика Толстого не нова». «Он не сказал ничего, что было задолго до него сказано и в английской и в русской литературе») кто стоял на стороне трудящихся Толстого, но он находил все же это—критицизм класса, не идущее вперед, а уходящее назад,—класса, обреченного на слом, на гибель. Да и критицизм толстовский, по Ленину, лишен «всякого политического смысла и всякого теоретического оправдания», чем был развился носитель революции—пролетариат, формулировавший научные стремления и организовавший практическую борьбу за них. И Ленин учил пролетарский класс, что если «четверть столетия назад (писано в 1910 г.—Б. В.) политические элементы учения Толстого дали на практике приносить иногда некоторым слоям населения, в особенности реакционным и утопическим чертам творчества, то «в течение последнего десятилетия (т. е. 1900—1910 Б. В.) это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло далеко вперед с 80-х годов до конца прошлого века».

И Ленин заканчивает всю свою статью о Толстом тезисом, который, в следствии им никогда не пересматриваясь, не переоценивался, и к которому никогда вообще больше не возвращались следовательно, тезисом, остающимся нас подлинной ленинской директивной:

«... В наши дни, после того как в указанных выше событиях положилась «восточной» неподвижности, в наши дни когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные узко-классовые, в корыстно-классовые

смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, когда эти идеи заразили даже часть почтительных марксистов, создав «ликвидаторское» течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смятения его «непротивленства», его апелляции к «духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносят самый непосредственный и самый глубокий вред».

Что касается наших дней, т. е. советских дней, непосредственно примыкающих к столетию юбилею Толстого, то стоит только, кроме всего прочего, сравнить исключительной важности директиву о коллективизации сельского хозяйства, данную XV съездом ВКП(б), с общезвестием свободных и равноправных мелких крестьян, что составляет «идейное содержание писаний Толстого», чтобы стало понятным и самоочевидным, как толстовская идеология, и даже «всякая попытка идеализации учения Толстого», «приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».

VII

Ленин сумел гениальнейшим образом дать всесторонний анализ художественно-философского творчества Толстого. С разных сторон, в кратких словах, в почти скупых выражениях подошел Ленин к Толстому. Не останавливаясь на мелочах, Ленин в пяти своих небольших статьях дал целостную характеристику художника мировой величины и мыслителя крупнейшего масштаба. Ленин в этих своих статьях не только делал аналогию Толстому-художнику, не только осуждал Толстого-мыслителя, но и брал под свою защиту Толстого перед «лицемерием двойного рода: казенным и либеральным», лицемерием патристических казенных «продажных писак» и лицемерием, которое «более утончено и поэтому гораздо более вредно», лицемерием либералов. Вместе с тем, в своей замечательной статье—«Герои «оговорочки», целиком направленной против меньшевистской «беспринципности в оценке Льва Толстого», Ленин резко нападает на меньшевиков-ликвидаторов из журнала Потре-

сова и К^о—«Наша Заря», где была помещена статья В. Базарова о Толстом за то, что «во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабости мирозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому». Ленин обрушивается на раскисшую и бесформенную интеллигенцию из «Нашей Зари» за лицемерные и достойные «Нового Времени» фразы о Толстом—«совести», за то, что «никогда всего Толстого правильно не оценивала и не могла оценить», за то, что она неправильно уверяла, будто Толстой сумел найти синтез, за то, что она отрицала у Толстого валичие пассивности и квиетизма, за то, что будто «Лев Толстой оказался чистейшим, закончившимся воплощением общечеловеческого идеологического начала,—начала совести». Особенно разоблачал Ленин уверения меньшевиков-ликвидаторов («тоже» марксистов), что «величавый, мощный, вылитый из единого чистого металла, стоит перед нами этот Толстой, это живое воплощение единого принципа». Ленин после этой меньшевистской тирады восклицает: «Уф! Говорят красно—и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого».

VIII

Но, несмотря на всю ту критику, которой подверг Толстого Владимир Ильич, он нас учил тому, что, хотя со смертью Толстого отошла в прошлое дореволюционная Россия, «слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в пронаведенных гениального художника», все же в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. «Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат». Ленин еще в ноябре 1910 года считал возможным писать, что российский пролетариат уже работает над наследством Толстого. Здесь Ленин разрешает важнейшую для нас сегодня проблему об использовании буржуазной культуры, о переработке наследства, доставшегося пролетариату-победителю от побежденного общества. «Пролетариат разъяснит массам трудящих-

